

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-133-160

EDN: HUYAGF

Научная статья / Research Article

Поворот к человеку в исследованиях содержания языка: результаты, проблемы и перспективы

Тао Цзинь

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 tszin-t@rudn.ru

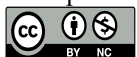
Аннотация. На фоне развития информационной технологии познание акта осознания (акта генерации знания) становится наиболее актуальной задачей для науки, стремящейся к пониманию человеческого интеллекта. Цель исследования — анализ механизма формирования содержания языка в аспекте его понимания и акте осознания — акте мгновенного (интуитивного) постижения знания. Работа следует принципу междисциплинарности. Основной метод — дедукция и обратная дедукция. Проанализированы эпистемологические препятствия, из-за которых лингвистика пока не может предложить реализуемые подходы для сведения интуитивного к дискурсивному, чего и требует познание акта осознания. Показано, что структурализм есть наиболее работоспособная познавательная стратегия, полагающая познание объекта путем выделения его составляющих и изучения взаимоотношений и взаимодействия между составляющими. Но для познания акта осознания необходимо отказаться от структурирования самой семантической системы, т.к. структурирование системы в принципе не дает ответ на вопрос, как эта система возникла. Обоснована необходимость отказа от репрезентационализма как причины возникновения эпистемологической петли «мир — человек — язык — культура — мышление — менталитет». Рассмотрен анти-репрезентационализм, находящий отражение во взглядах ученых из разных отраслей, как аргумент в пользу смещения фокуса на интерсубъективность знания. При таком смещении целью лингвистических исследований становится выявление условий объективации субъективного — условий, при которых разные люди осознают СХОЖЕЕ и принимают его за данность. Объектом структурного анализа становятся внутренние модели, сформированные мозгом за счет усиления одних сигналов от органов чувств и подавления других сигналов. Модели задают схему внутреннего, подсознательного внимания и предопределяют генерацию знания. Наблюдаемая вариативность содержания языка делает возможным выделение составляющих у внутренних моделей (побежденных сигналов) и изучение их взаимодействия. Изложены основные принципы такого структурного анализа путем сравнения условно эквивалентных полисемантов.

Ключевые слова: знание, сознание, языковое сознание, структурализм, репрезентационализм, анти-репрезентационализм, интерсубъективность

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

© Маркелова Т.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тео Цзинь. Поворот к человеку в исследованиях содержания языка: результаты, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 133–160. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-133-160> EDN HUYAGF

Turning Towards a Human Being in Language Content Research: Outcomes, Problems and Prospects

Tao Tszin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 tszin-t@rudn.ru

Abstract. Given the development of information technology, cognition of an act of realization (knowledge generation) is becoming the most urgent task for science striving to understand human intelligence. Accordingly, the outcomes, problems, and prospects of language content research are considered within the framework of the author's idea that the question of the mechanism of language content generation, the question of its understanding, is actually the question of realization, i.e. an act of instant (intuitive) comprehension of knowledge. This research is based on an interdisciplinary approach. Its main method is deduction and inverted deduction. We analyzed epistemological obstacles that yet prevent linguistics from offering feasible approaches for reducing the intuitive to the discursive, which is required to provide cognition of realization. It is demonstrated that structuralism is the most efficient cognitive strategy, which assumes the cognition of an object by identifying its components and studying the interrelations and interactions thereof. To cognize an act of realization, however, we need to abandon the structuring of the semantic system itself, since the structuring system is inherently incapable of giving an answer to the question of how this system arose. We justified the necessity of rejecting representationalism as a cause of the epistemic closure "world — person — language — culture — thought — mentality". Anti-representationalism, reflected in the views of scientists from different scientific fields, is considered as an argument in favor of shifting the focus towards the intersubjectivity of knowledge. With such a shift, the goal of linguistic research is to identify the conditions for objectifying of the subjective, that is, the conditions under which different people realize SIMILAR things and take them for granted. The object of structural analysis is the internal modeling formed by the brain through amplification of some signals from the sensory organs and suppression of other signals. These models define the scheme of internal, subconscious attention and determine the process of knowledge generation. The observed variability of the language content makes it possible to identify the components of internal models (defeated signals) and study their interaction. The basic principles of this structural analysis are described by comparing conditionally equivalent polysemants.

Key words: knowledge, consciousness, linguistic consciousness, structuralism, representationalism, anti-representationalism, intersubjectivity

Conflicts of interests: the author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 23.07.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Tao, Tszin. (2026). Turning Towards a Human Being in Language Content Research: Outcomes, Problems and Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 17(1), 133–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-133-160> EDN HUYAGF

Введение

Современная лингвистика во второй половине XX в. вступила в эпоху семантики. Вместе с фокусированием внимания на содержательной стороне языковых единиц произошло и изменение в понимании цели исследования языка. Это изменение в целом можно охарактеризовать как «поворот к человеку». Оно совпадает с общей тенденцией развития наук в XX в., которая сохраняется и активно осмысливается в наши дни: «...единственный и подлинный предмет лингвистики есть язык, рассматриваемый в себе самом и для себя самого», «лингвистика становится не только наукой о языке, но и наукой о человеке, его сознании, языке и культуре» [1. С. 6]. Следовательно, язык рассматривается сегодня лингвистами в большей степени как наблюдаемый объект, открывающий доступ к познанию ментального, прямо не наблюдаемого. Об этом свидетельствуют сами названия многих монографий, вышедших за последние 30 лет: «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» [2], «Язык и естественный интеллект» [3], «The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature» [4], «Интерпретация мира в языке» [5] и др.

Лингвисты-когнитологи оперируют понятием «знание» вместо «семантика» и обсуждают формат знания (языковые категории как формат знания), типология знания (типы знаний и их репрезентация в языке), представление знаний в языке (категориальный уровень представления знаний в языке, структуры представления знаний в языке) [6—9] и др. Считается, что по данным речевой деятельности возможно реконструировать системы знания, и это позволит объяснить, как и почему единицы естественного языка понимаются в определенной ситуации определенным образом. Это видение может показаться бесспорным. Действительно, для понимания смысла речевого продукта необходимо знание о мире, в частности, осмысление стоящих за словами ситуаций. Однако, если подойти к «знанию» с точки зрения филогенеза и онтогенеза, то сможем ли мы разделить процесс формирования и развития «знания» от процесса появления, осваивания и развития языка? Ответ на этот вопрос, скорее, отрицательный, да и особой практической необходимости в таком разделении мы тоже не видим, т.к. равноценно истинными и одновременно ничего не объясняющими являются суждения «мы понимаем, потому что мы знаем» и «мы знаем, потому что мы понимаем».

Нюансы в оперировании понятиями «знание» и «семантика», на наш взгляд, заключаются в том, что первое коррелируется больше с «содержанием сознания» (т. е. отражает установку исследовать ментальное пространство человека через язык), а второе — с «содержанием языка» (т.е. понятие более ортодоксальное, указывающее на стремление рассматривать язык как конечный объект исследования). Мы не можем утверждать о тождестве этих двух

содержаний, но говорить об их самостоятельном статусе тоже не приходится. Видимо, по этой причине и появилось понятие «языковое сознание», используемое сторонниками русской психолингвистической школы, для которых «поворот к человеку» подразумевает, прежде всего, обращение к реальному человеку с реально функционирующей по законам психики языковой способностью. С точки зрения онтогенеза, мы не можем не быть солидарными с мнением о том, что «с помощью языка как деятельностной структуры происходит постоянное присвоение информации из образа мира данной культуры (через значения в деятельности с культурными предметами) и через общение с конкретными носителями данной культуры (через указание на значения, которые должны храниться в их головах путем превращения индивидуальной мысли во внешнее слово)» [10. С. 248]. Понятие «языковое сознание», таким образом, указывает на социальное и интерпсихологическое свойство языка. Это значит, что через язык исследователи получают доступ к той части содержания сознания, которое можно рассматривать как «общее» для определенного коллектива.

Введение понятий «знание» или «языковое сознание» автоматически не приводит нас к достижению искомой цели объяснить, как и почему единицы естественного языка понимаются в определенной ситуации определенным образом. Вопрос этот тесным образом переплетен с многозначностью в языке — явлением, которое было и остается важнейшим предметом для тех исследователей, которые продолжают оперировать понятием «семантика». В подходе у этих исследователей тоже совершился определенный «поворот к человеку»: на смену традиционной «списочной теории» полисемии пришло общее понимание того, что исследование многозначности в языке не может ограничиваться лишь ее описанием, а должно стремиться к объяснению данного явления. Следовательно, центральным вопросом многозначности становится вопрос о том, почему «семантический объем» определенной языковой единицы именно такой, какой он есть.

Базовыми понятиями, которых сегодня придерживается большинство исследователей при изучении семантики конкретных языковых единиц, являются «семантический переход» и «семантическая деривация». В обзорных статьях Анны А. Зализняк подробно изложено об исторических связях данных понятий с представлением о «семантической эволюции», дано определение «семантического перехода» как процесса появления новых слов, «семантической деривации» — процесса развития семантического объема отдельных слов [11; 12]. Одновременно ученый признает, что «интерпретация некоторой совокупности языковых фактов как реализации определенного семантического перехода есть результат сложной исследовательской работы, включающей применение определенных принципов и методов, но в целом не формализуемой и опирающейся, в конечном счете, на опыт и интуицию исследователя» [11. С. 41]. Нет сомнения, что с этим согласятся и те

исследователи, которые работают в рамках «семантической деривации». И в этом, на наш взгляд, таится уязвимость этих представлений.

Дело в том, что многозначность языковых единиц может стать причиной коммуникативных неудач или особо удачных (остроумных) высказываний, но, как правило, в конкретной ситуации понимание «приходит в голову» мгновенно, т. е. осознание значений для человека не является трудоемким процессом. Контраст между сложностью работы лингвистов и легкостью употребления и понимания языка достаточно честно резюмирован выражением «polysemy paradox» — «The discrepancy between the theoretical problems experts raise on polysemy, and the ease with which it is everyday understood by speakers...» [13. С. 225]. Еще на стадии освоения родного языка ребенок демонстрирует чуткость к полисемантам, угадывая их значения и даже употребляя их в прецедентных высказываниях, значение которых, опять же, может быть угаданным адресатами без особого усилия. Об этом говорят, например, уникальные материалы, собранные и мастерски изложенные К.И. Чуковским в своем произведении «От двух до пяти». Любое слово, любое значение, как мы можем предположить, когда-то зарождалось через прецедентные речевые продукты и закреплялось в языке путем многократного повторения и варьирования прецедентов. Крайне трудно согласиться с тем, что в этих процессах люди синхронно совершают некий «семантический переход» или какую-то мыслительную операцию над каким-то исходным значением. Напрашивается вывод о том, что исследования в рамках «семантического перехода» или «семантической деривации» порождают специфичное лингвистическое знание о содержании языка, но ментальные процессы, обеспечивающие понимание и употребление языка его рядовыми носителями (да и самими лингвистами), эффективно функционируют и без этого специфичного знания, добытого лингвистами в результате трудоемкой исследовательской работы. К этим ментальным процессам гораздо больше подходит понятие «интуиция», главной чертой которой является мгновенное постижение истин, «которые ум признает не на основании доказательства, а просто усмотрением мыслимого в них содержания» [14. С. 5]. Обычно мы можем уловить только момент осознания значения языковых продуктов, а процесс, как мы «приходим» к этому осознанию, остается в темной зоне сознания и именуется нами как «бессознательный» или «подсознательный».

Слово «интуиция» содержится и в приведенной выше цитате Анны А. Зализняк, и это не единичный случай, когда крупные ученые дают должное интуиции как механизму, порождающему новое знание. Среди них немало и представителей естественных наук. Е.Л. Фейнберг, рассматривая «интуицию» как проявление внелогической деятельности интеллекта, которая играет неотъемлемую роль в научной системе, пишет: «Мы считаем несомненным, что полнота познания мира и, в частности, необходимая для этого способность к интуитивному суждению — фундаментальные условия выживания человечества... по мере того как логические операции психики все

больше передаются машине, внелогическая деятельность интеллекта выявляется все ярче» [15. С. 275]. Похожее мнение высказывает и М. Грациано: «Я подозреваю, что постепенный сдвиг в философии от сосредоточения на элементах в потоке сознания к акту осознания некоторым образом связан с развитием за последние полвека компьютерных технологий. С усовершенствованием информационных технологий содержание сознания перестало быть загадкой, а сам акт его осознания, переживания опыта отдалился и кажется неразрешимым» [16. С. 15].

Таким образом, перед наукой сегодня стоит вопрос о том, до какого предела мы в принципе сможем углубить наше знание по отношению к собственному интеллекту? Наиболее существенная особенность естественного интеллекта стала более очевидной на фоне искусственного интеллекта: естественный интеллект значительно уступает искусственному интеллекту в сохранении, систематизации и обработке информации, но последний если и способен вырабатывать новую информацию, то только на основе обработки имеющихся данных. Ему несвойственна «интуиция» и он не способен генерировать знание «с нуля». Если учесть, что в основе искусственного интеллекта лежат человеческие приемы собирать, обрабатывать имеющиеся знания, то становится ясно, что все сознательные операции над осознанным, т.е. знанием, составляют лишь часть возможностей человеческой когниции. Для следующего шага в понимании самого себя нам будет сложно дальше обходить вопрос «как работает интуиция» и надо предпринимать попытку приблизиться непосредственно к самому акту осознания (акту генерации знания). Несомненно, что для человека сам акт осознания весьма реален, о чем свидетельствует уже сам факт наличия в языке слова «*интуиция*» и близких понятий, таких как «*озарение*», «*чутье*» и т. п., а также выражений типа «*какая-то мысль пришла в голову*», «*внезапно стало ясно, что...*».

Если вернуться к самой лингвистике, то какими бы понятиями ни оперировали исследователи в ходе лингвистических исследований, по сути, во всех случаях мы пока имеем дело с именуемым по-разному результатом акта осознания, и кроме трудоемкости, не существует принципиальной преграды для описания, систематизации или анализа осознанного или осознаваемого, будь это «содержанием» сознания, языка или языкового сознания. Но сможет ли лингвистика внести существенный вклад в познание самого акта осознания?

Наш ответ на этот вопрос — положительный, т.к. язык, будучи наиболее важным маркером человеческого интеллекта, сопровождал и сопровождает возникновение знания, его непрерывную трансформацию и расширение. В некотором смысле язык и есть механизм генерации знания, вопрос о механизме формирования содержания языка и его понимания, по сути, и есть вопрос об акте осознания. В настоящей статье мы попытаемся изложить, какие препятствия мы видим на пути движения лингвистики в этом направлении и какие возможности для познания акта осознания могут открыться при сравнении содержания разных естественных языков, если эти препятствия будут преодолены.

Методология

Исходной точкой наших рассматриваний служит понимание необходимости разделения представлений у лингвистов о механизме формирования содержательной стороны языка от наиболее ярких семантических явлений.

Как мы уже отметили, «поворот к человеку» в лингвистических исследованиях отражает общую тенденцию развития наук. В XX в., по мнению ученых из разных областей, наука пережила «антропологический поворот». Само понятие «поворот», как и многие научные концепции, метафорично, и совершенно естественно, что отсутствует согласие среди теоретиков в том, каким образом следует понимать его суть. На более ранней стадии осмысления этого явления «поворот» понимался как сама попытка «углубления знаний о человеке, обобщения и осмысления прежде разрозненного знания, выявления и обоснования условий его возможности и развития» [17. С. 23]. Сегодня уже становится ясно, что в ходе этого поворота формируются новые взгляды на самые главные вопросы в философии — вопрос о бытии, вопрос онтологии человека [18; 19], совершается революция в философии познания [20], а в философии науки намечается переход от осмысления роста научного знания к осмыслению роли различных научных сообществ в развитии науки, к трактовке «знания как убеждения членов научного сообщества» [21. С. 11]. Данный сдвиг в философии науки для нашего исследования имеет особо важное методологическое значение.

Хорошо известно, что в математике и технических науках широко применяется аксиоматический метод, «однако если в математике аксиоматика разных ее разделов является предметом рассмотрения специального раздела — теории математического вывода, — то в лингвистике проблемы аксиоматики не привлекают особого внимания исследователей» [22. С. 65]. Необходимость проследивать логическую связь от априорного убеждения ученых (аксиомы или набора аксиом) гуманитарных наук, в частности лингвистов, как нам представляется, становится все более очевидной, если мы изначально сделаем акцент на том, что любое исследование начинается с априорного убеждения самих исследователей, а выводы представляют собой тоже своего рода убеждение, и они в некотором смысле предопределены, так как ни цель исследований, ни исследовательская стратегия и конкретные методы, ни круг рассматриваемых языковых явлений не делимы с первоначальным априорным убеждением. Если мы видим, что существующие теории, касающиеся механизма формирования содержания языка, пока обходят акт осознания стороной, то это означает, что само априорное убеждение создает эпистемологическое ограничение, и для снятия этого ограничения нужно понять его суть.

Лингвисты, которые занимаются сравнением семантики разных языков, под словом «человек» подразумевают идеализированного представителя своего языка и культуры. «Поворот к человеку» в данном случае, на наш взгляд, отражается в том, что помимо традиционных источников языковых материалов, таких как словари, справочники (фактически это результаты работы

филологов и лингвистов предыдущих поколений по описанию и систематизации семантики), все активнее используются материалы из различных корпусов, т. е. реальные образцы языковых продуктов. И это, безусловно, позволяет нам получить более полные и достоверные данные о семантике языка. По этой причине собранные сведения в ходе подобных работ также рассматриваются нами как основа для более объективной оценки базовых характеристик наблюдаемых семантических явлений.

Рассуждение о перспективах дальнейшего развития исследования содержательной стороны языка также строится на принципе дедукции: будущие результаты исследования зависят от «правдоподобности» нового априорного убеждения, и эта «правдоподобность» должна быть обеспечена соответствием между новым убеждением и наблюдаемой особенностью семантических явлений.

Структурализм как познавательная стратегия: её возможности и ограниченность

В конце 1997 г. была опубликована статья «Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии)» [23]. Название этой статьи В.М. Алпатов охарактеризовал как «симптоматическое»: структурная лингвистика, добившаяся немалых успехов в фонологии, в семантике оказалась в затруднительном положении, поскольку чем сложнее область исследования, тем труднее сводить факты языка к жестким схемам. Одновременно В.М. Алпатов цитировал слова О.Н. Трубачева: «Следует спокойно признать... что в каждом из нас, хоть, наверное, в разной степени, засели зерна структурализма, непротиворечиво согласующиеся с исследовательской практикой... и было бы неблагодарностью отрицать это» [24. С. 84–85]. Почти 20 лет спустя вышла статья А.В. Кравченко с критикой в адрес идеологии структурализма как официальной лингвистической доктрины, в которой автор отметил, что «кризис традиционной лингвистики, в XX в. тяжело и надолго заболевшей структурализмом, затянулся» [25. С. 354].

Действительно, «зерна структурализма» оказались чрезвычайно жизнестойчивыми: остается незыблемым убеждение в «системности» семантики языка в целом и «системности» семантического объема каждого многозначного слова. А для познания любой системы полагаются выделение ее составляющих и выявление связей между ними, иными словами, само это убеждение уже предопределяет стремление к определению структуры у системы. По этой причине такие понятия, как «сема», «семантическое поле», «семантическая структура», «смысловая структура», «словообразовательное гнездо», «структурно-семантические особенности», «структурная мотивированность языка», «структурный анализ», повсеместно можно встретить в огромном количестве публикаций, вышедших за последние 20–30 лет. Были предложены разные подходы к рассмотрению семантического объема лексики, начиная с инвариантного подхода [26] и подхода, предполагающего наличие

иерархических отношений между значениями в структуре слова [27; 28] до более современного «прототипичного подхода» [29; 30] и упомянутой нами теории «семантический переход» и «семантическая деривация». Все эти подходы, по сути, являются вариациями проявления структурализма: в каждом случае сначала выделяются элементы (значения, лексико-семантические варианты или семантические признаки), а затем изучаются связи между этими элементами. Разница только в том, что связи по-разному понимаются и интерпретируются.

Расставание со структурализмом не состоялось с появлением сторонников когнитивной и психолингвистической направленности. Приступая к познанию «знания», лингвисты-когнитологи ставят вопрос о реконструировании его системы; получая языковые материалы от информаторов, исследователи приступают к их статистической обработке с определением семантических ядра и периферий, т.е. к структурированию семантики. Все эти факты говорят о том, что структурализм — это не столько взгляд отдельных ученых или научных школ прошлого века на язык и их подход к изучению языка, сколько познавательная стратегия, дающая о себе знать всякий раз, как только исследователь определит объект своего исследования.

Структурализм как познавательная стратегия, обладает мощными возможностями, о чем свидетельствует, можно сказать, вся современная наука. Убеждение в «системности» объекта своего исследования у лингвистов отнюдь не уникально, оно присуще представителям современной науки и сопряжено с убеждением об «упорядочиваемости» наблюдаемого многообразия и наличии закономерностей во всем, на что направлена исследовательская деятельность. След этой стратегии можно найти уже в античности, задолго до зарождения понятия о методологии и методах научных изысканий. В частности, слово «материя» происходит от латинского *materia*, что первоначально значило «строевой лес». Это латинское слово, в свою очередь, является калькой греческого слова ὕλη ‘строевой лес’, которым Аристотель посредством аналогии со всем, изготовленным из этого материала, стал обозначать любую вещественную основу [31. С. 1035]. Образ ‘строевой лес’ подразумевает наличие «структуры» и возможность ее познания путем деления объекта на составляющие и выявление связей между этими составляющими. В эпоху зарождения современной науки в Европе этот древний образ воплотился в «новую философию», суть которой, на наш взгляд, очень точно определил видный биохимик и англиканский священник Артур Пикок: «человек смотрит на мир как на чужой и противоположный себе объект. Такой взгляд на мир повлек за собой процесс абстрагирования, в котором мировые явления и процессы распадались на составляющие. Эти составляющие, в свою очередь, рассматривались как независимые целые, связанные между собой отношениями наподобие юридических законов... Требовался методологически редукционистский подход для ответа на вопросы ‘новой философии’: ‘Какие вещи существуют’ затем ‘В каких отношениях находятся они друг с другом’,

и наконец 'Какими законами описываются эти отношения'» [32. С. 3–4]. К этому можно добавить, что структурализм как познавательная стратегия достаточно естественен для человека: для нас само понятие «сложное» сопряжено с представлением об множестве составляющих, и потому весьма убедительным кажется, что познать «сложное» означает «разобраться»: как только поймем, какие составляющие существуют, и как они взаимосвязаны и взаимодействуют, то мы поймем, ЧТО ЕСТЬ перед нами и как ОНО работает. Во многих областях и на определенных этапах развития науки это убеждение оправдалось и продолжает оправдываться. Однако с расширением научных знаний становится заметнее и эпистемологическая ограниченность структурализма: физики, определив структуру атома и раскрыв целый мир микрообъектов, не нашли ответ на вопрос о мироздании; биологи расшифровали геномы, но не готовы ответить на вопрос о возникновении жизни. Получается, структурирование системы в принципе не дает ответа на вопрос о том, как эта система возникла.

К этому выводу можно прийти и простым логическим рассуждением. Возьмем, допустим, любое многозначное слово. Еще до того, как приступить к изучению его семантического объема, исследователь уже знает (сознает) его значения, т. е. для него, равно как и до него у разных людей, акт сознания многократно совершался, и значения этого слова уже существуют как данности. Когда мы сознаем значение А и значение Б, то мы можем определить отсутствие или наличие связи между ними, однако само наличие связи никак не подразумевает, что значение Б возникло на основе значения А или наоборот. Убеждение в «системности» содержания языка (или сознания) и его структурирование приведет к тому, что специфичное лингвистическое знание о нем будет уточняться, расширяться и углубляться, но для того, чтобы сделать шаг в сторону к познанию самого акта познания, нужно отказаться от структурирования результата этого акта. И этот шаг станет возможным, скорее, не в результате расставания со структурализмом, поскольку кроме этой познавательной стратегии вряд ли существует работоспособная альтернатива. Соответственно, можно предположить, что для совершения этого шага нужно заново определить объект исследования и попытаться приступить к его познанию путем выделения составляющих и выявления взаимосвязи и взаимодействия между ними.

Репрезентационализм и эпистемологическая петля

В основе репрезентационализма лежит треугольная модель «мир — человек — язык», где «мир» понимается как мир вещей, т. е. некая «реальность», внешняя по отношению к человеку; а «человек» понимается и в смысле его мыслительной способности, и в смысле некоего внутреннего мира, а язык рассматривается как средство репрезентации (специфичного способа отражения), с одной стороны, внешнего мира, а с другой — внутреннего мира. Полагается, что анализ механизма репрезентации может ответить

на вопрос о том, как функционирует язык, и приоткрыть нам тайну мышления. Этот подход хорошо иллюстрируют две монографии, вышедшие в 1988 и 1991 гг.: «Человеческий фактор в языках. Языковая картина мира» — в основном посвящается кругу вопросов языковой репрезентации внешнего мира [33], и «Человеческий фактор в языках. Язык и порождение речи» — посвящена языковой репрезентации внутреннего мира (внутреннего лексикона) [34]. На сегодняшний день репрезентационализм остается мейнстримным, по крайней мере, для русскоязычных исследователей: слово «репрезентация» можно относить к наиболее встречаемым ключевым словам в современных публикациях о языке; активно изучается национальная специфика языковой картины мира; помимо понятий «внутренняя речь», «внутренний лексикон» на помощь исследованию внутреннего мира человека приходят понятия «концепт», «концептосфера». Какие же априорные убеждения стоят за этим подходом?

Репрезентационализм, прежде всего, представляет собой вариант реализации структурализма в смысле познавательной стратегии: для осмысления сложного явления понадобилось выделить отдельные сферы, после чего возможным становится осмысление их взаимосвязей и взаимодействия. Приведем один из примеров такого теоретического осмысления.

Как пишет А.Д. Кошелев, «понимание роли языка и механизмов его функционирования предопределяется ответом на следующий вопрос: что для человека (ребенка) хронологически первично — его концептуальный мир или родной язык? ... Принципиальных ответа здесь три. Соответственно, получаем три парадигмы. Первая парадигма исходит из постулата о первичности родного языка, который усваивается ребенком до концептуального мира... Третья парадигма исходит из противоположного постулата: концептуальный мир первичен и изначально (до языка) формируется в мозгу человека (ребенка)... Вторая, промежуточная парадигма исходит из постулата о том, что и концептуальный мир, и язык человека формируются как самостоятельные системы... В основании предложенного исчисления парадигм лежит лингвистический признак — соотношение языка и мира человека. Однако... полученные таким теоретическим (аксиоматическим) путем три парадигмы задают полезную классификацию, охватывающую широкий класс лингвистических теорий» [35. С. 15—16]. Очевидно, что при постановке вопроса о первичности той или иной системы, исследователи вовсе не ставят под сомнение само предположение о наличии «концептуального мира» в мозгу человека. Собственно говоря, сами понятия «внутренний мир», «внутренняя речь», «внутренний лексикон», «концепт», «концептосфера» предполагают некую систему с содержательной стороной, доступ к которой получаем на самом деле через понимание языка, т.е. благодаря наличию языковой зоны внутри мозга. Сегодня нейронаука дает нам знать, что большая часть активности мозга не контролируется сознанием, однако, как только мы попытаемся фиксировать «о чем я думаю», тут же в сознании появляются слова или фразы,

т.е. сразу подключается язык. Вызывает сомнение, что возможно познавать «внеязыковое состояние» мыслей. Предположение о возможности размежевания мира внутри мозга и языка — лишь методологический прием, попытка умозрительно выстроить некую систему внутри человека, стоящую между предполагаемыми «неязыковыми» потоками мыслей и речью. Причина использования этого приема, на наш взгляд, кроется в том, что на лингвистов оказало сильное влияние развитие информационных технологий.

Сам принцип работы вычислительной машины был сформирован тогда, когда ученые серьезно еще не задавались вопросом о принципах работы человеческого интеллекта. Однако вскоре появилась «компьютерная метафора», предполагающая моделирование работы интеллекта, в частности, языковой способности человека, исходя из того, по какому принципу работает созданная человеком машина. Хорошо отражают «компьютерную метафору» взгляды Н. Хомского и других сторонников генеративной грамматики, предполагающих, что «ключевым компонентом языковой способности в узком смысле является вычислительная система (узкий синтаксис), которая порождает внутренние репрезентации, преобразуя их для сенсорно-моторного интерфейса с помощью фонологической системы и для концептуально-интенционального интерфейса – с помощью (формальной) семантической системы» [36]. «Компьютерная метафора» порождает идею об этапах речемыслительного процесса, о которой в упомянутой выше монографии: «...особое внимание надо уделить анализу трех основных этапов порождения речи: довербального, когда формируется так называемый замысел речи (интенция говорящего) и оценивается обстановка; этапа, связанного с выбором языковых средств, и наконец, последнего этапа, когда происходит сама языковая реализация замысла (озвучивание)» [33. С. 6].

Эти точки зрения хорошо отражают стремление моделировать речемыслительный процесс таким образом, чтобы его смогла воспроизводить машина: первый этап — формирование задачи; второй — выполнение инструкций по подбору данных, которые сохраняются в памяти; третий — выполнение инструкций для вывода выбранных данных в соответствии с задачами. Как мы видим, прагматическая цель научить вычислительную машину понимать и генерировать речевые продукты оказала мощное влияние на формирование исходных взглядов исследователей: образовалась эпистемологическая петля и исследователи совсем упустили из внимания, что человеческий интеллект, скорее, работает совсем по иному принципу хотя бы потому, что усложнение выполняемых задач вовсе не требует наращивания памяти у человека и не требует значительного увеличения употребляемой энергии. Таким образом, если отложить в сторону стремление создать инструкции для вычислительной машины путем выстраивания алгоритма языковой репрезентации данных внутри памяти, то основания для размежевания концептуального мира от языка становятся весьма небесспорными.

Другое априорное убеждение, на котором основывается репрезентационизм, предлагающий рассмотрение взаимосвязей между миром, человеком

и языком, — это убеждение в абсолютной правомерности противопоставления объективно существующего мира (внешнего мира) и человека с его сознанием. Однако это убеждение, на котором стоят классические философские направления — реализм и идеализм — тоже оказывается сегодня не истиной, а лишь познавательной моделью, об этом более подробно ниже.

Самое главное, условность отделения сфер «мир — человек — язык» в свою очередь порождает эпистемологическую петлю. Дело в том, что ни внешний мир, ни внутренний мир, невозможно рассматривать как нечто единое для разных языковых коллективов: лексическая система и ее содержание у естественных языков не совпадает, если язык — это средство репрезентации мира, то и внешний и внутренний миры для разных языковых коллективов тоже разные. Собственно, об этом и пишут исследователи, описывая «характер зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания» [37], вводя понятие об «этнолингвистической обусловленности» языковой картины мира [38]. А трактовка «мотивированности» языка как взаимообусловленности различными внешними и внутренними факторами («К важнейшим, трактуемым как мотивационные, современные исследователи относят взаимосвязи языка с действительностью, мышлением и психофизиологической организацией человека, с обществом и культурой» [39. С. 151]) лишь признание в невозможности разобраться в клубке «мир — человек — язык — культура — мышление — менталитет».

Чтобы выйти из этой эпистемологической петли, как нам кажется, необходимо сначала найти более обоснованный ответ на вопрос, что мы можем рассматривать как ОБЩЕЕ НАЧАЛО для всех представителей человеческого рода, т.к. это создаст условия для дальнейшего выстраивания причинно-следственной цепочки однонаправленной обусловленности от ОБЩЕГО к языковой, культурной вариативности, к вариативности знания.

Анти-репрезентационализм и проблема субъективности

В течение нескольких столетий успехи физики укрепляли нашу веру в наличие системы объективных законов, которым подчиняются многообразные и кажущиеся нам различными явления, что придало мощные импульсы для пересмотра представления о дуалистическом процессе познания, на котором основывается репрезентационализм. Появляются разные направления анти-репрезентационализма: прямой реализм¹, энактивизм², спекулятивный реализм [40], которые сходятся в том, что дистанцирование человека от мира или мира от человека в принципе невозможно; когнитивные процессы

¹ Грин Б. Ткань космоса, пространство, время, текстура реальности / пер. с англ. под ред. В.О. Малышенко и А.Д. Панова. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

² Грегори Р. Разумный Глаз: Как мы узнаём то, что нам не дано в ощущениях / пер. с англ. А.И. Когана. М. : УРСС, 2003; Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М. : Астрель: CORPUS, 2011.

не могут быть поняты как абстрактная функциональная (компьютеционистская) система, лишенная конкретного телесного воплощения; когнитивная сфера конституируется динамическим сцеплением мозга, тела и среды, причем под последней следует понимать не только естественную (природную), но и социальную и языковую среду. Сами же физики предлагают модели независимый реализм: «...наш мозг интерпретирует сигналы, поступающие от органов чувств, и создает модель мира. Когда такая модель удачно объясняет события, мы склонны приписывать ей, а также составляющим ее элементам и концепциям свойство реальности, или абсолютной истины», «невозможно исключить наблюдателя — нас самих — из нашего восприятия мира, которое создается с помощью наших чувств и путем мышления и рассуждения»³.

В публикациях самих лингвистов идеи анти-репрезентационализма тоже прослеживаются. Отмечая переход от классической науки к неоклассической науке, а затем к постклассической науке как переход от исследования отношения «объект — знание» к исследованию отношения «субъект — объект познания», а затем к исследованию средств познания, А.А. Залевская выразила весьма созвучное с идеями анти-репрезентационализма мнение, только конкретно по отношению к языку: «Возрастание роли субъекта познания требует максимального фокусирования на языке как достоянии пользующегося им человека, включенного в определенное физическое и социальное окружение и переживающего процесс познания и его продукты при постоянном взаимодействии чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида как целостности, которую нельзя «препарировать», что, к сожалению, делается при отрыве языка от других психических процессов и при игнорировании постоянного взаимодействия тела и разума» [41. С. 4].

Наиболее ярким отражением анти-репрезентационализма у лингвистов, пожалуй, являются работы А.С. Дружинина и его соавторов [42; 43], выдвигающие идею о том, что реальность конструируется человеком в языке и вне конструирования отсутствует для человека. Как пишет А.С. Дружинин, такой подход к реализму в лингвистике радикален, его непросто принять и может быть многим не по душе, но «экология энактивизма открывает новые перспективы в исследованиях семантики и различных дискурсивных практик. Дойти до сути семантической структуры — значит посмотреть на нее как на эмпирическую и концептуальную одновременно. А это значит признать, что слова и другие единицы лингвистического анализа — не просто знание, а часть семантической и сенсомоторной жизни человека, и любой акт их «проживания» (употребления) свидетельствует, прежде всего, о том, что происходит с человеком и в человеке [43. С. 89].

Очевидно, содержательная сторона самого слова «реальность» не совпадает у сторонников репрезентационализма и у сторонников анти-репрезентационализма. Тут мы видим два уровня признания исследователями

³ Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел / пер. с англ. М. Кононовой. М. : АСТ, 2018. С. 11–12; 53.

вездесущей «субъективности». Первый уровень — это признание «субъективности» языка. Собственно, с этим признанием началось предисловие упомянутой нами монографии «Человеческий фактор в языках. Языковая картина мира»: «Существует непреложная истина: абсолютно все, что представлено в языках мира — от мелкой частицы до сложного предложения и многих тысяч самых различных слов, — создано человеком» [33. С. 3]. Но при этом сторонниками репрезентационализма допускается нечто «объективное» вне человека и его языка. Нынешний уровень — это признание «субъективности» знания: для человека существует только его реальность, предел которой он может расширять, но не в состоянии его перешагнуть.

Таким образом, анти-репрезентационализм, по сути, актуализирует на уровне знаний, накопленных за века научно-технического прогресса, две взаимосвязанных проблемы, известных еще с древних времен. Первая проблема — это проблема предела познания, вторая — проблема субъективности.

Понимание о предельности познания можно найти в первых строках древнего китайского трактата «Дао-Дэ цзин», которые гласят: «Не путай прото-Путь с проторенной тропой, не пробуй прот-то Имя вслух произнести. Земля и Небо созданы в безмолвье, все сущее вокруг не отделить от слова. За гранью чувств — неведомая Вечность, узел живых существ — Конечность бытия...»⁴, а освещение проблемы субъективности — в известной доктрине древнегреческого философа Протагора «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих»⁵. Современные же философы в иных понятиях освещают, по сути, эти же проблемы: «мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы заперты в корреляции «человек — мир» и можем лишь только описывать универсальные условия субъективности, не будучи при этом способными объяснить, почему условия таковы, каковы они есть» [40. С. 11–12].

Е.Н. Черткова пишет: «граница между субъективным и объективным становится зыбкой, подвижной, скорее напоминает мембрану, а не разделительную линию»⁶. Стадия развития науки, когда превалировало убеждение в абсолютной правомерности противопоставления мира (реальность, действительность) как объекта познания и человека как субъекта познания, пройдена, вместе с ней и завершилась эпоха эйфории от научных достижений, когда считалось, что наука стремится к постижению абсолютной истины и непременно ее добьется. Разрушение абсолютной противоположности

⁴ Цит по: Лаоцзы. Дао-Дэ цзин, или Тракт о пути и морали / пер. с др.-кит.; предисл. и послесл. Л.И. Кондрашовой. М.: РИПОЛ классик, 2005. С. 35.

⁵ Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375.

⁶ Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы «круглого стола» / В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.

(разделительной линии) между «субъективностью» и «объективностью» в этих условиях — неизбежно. И так же неизбежным окажется смещение фокуса на вопрос об intersubjectивности: почему какое-то знание, субъективное по природе своего возникновения, воспринимается людьми определенного круга как абсолютно объективное. Упомянутый нами сдвиг в философии науки от осмысления роста научного знания к осмыслению роли различных научных сообществ в развитии науки, к трактовке знания как убеждения членов научного сообщества, который заложил методологическую основу и для настоящей работы, как раз свидетельствует об этом смещении фокуса.

И с этого ракурса идеи анти-репрезентационализма действительно открывают для лингвистики новые возможности и перспективы. Об этом и пойдет речь ниже.

Интерсубъективность со-знания и «коллективность» языковой интуиции

Выдающийся математик и философ Бертран Рассел высказывался о со-держании языка следующим образом: «Хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание»⁷. Правдивость этого высказывания подтверждается результатами психолингвистических экспериментальных исследований с целью объективизации понимания языковых единиц обычными носителями языка. Как мы уже отметили, при обработке результатов психолингвистических экспериментов применяются статистические методы, и удастся таким образом выделить семантическое ядро и периферию у конкретной языковой единицы, что дает исследователям основание судить, какое понимание более типично или менее типично для данного языкового коллектива, но индивидуальность реакции на слова-стимулы остается фактом. По многочисленным публикациям по сравнению семантики языковых единиц из разных языков можно сделать один вывод: абсолютная эквивалентность просто не существует. Более того, достаточно распространено явление, когда смысл, который осознается человеком при употреблении единицы из одного языка, очень сложно осознается в полном объеме с помощью единицы из другого языка. Не редко сталкиваемся и с явлениями лексико-семантических лакун. Содержание каждого языка уникально, несмотря на наличие множества совпадений.

Наблюдаемые семантические явления говорят в пользу анти-репрезентационализма, в свете которого индивидуальность содержания языка естественна и неизбежна: акт осознания, переплетенный с постоянным

⁷ Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М. : Академический проект, 2009. С. 78.

переживанием взаимодействия тела и разума, включенного в конкретные условия среды, в которой существует и действует человек, не может быть не индивидуальным, т.е. акт осознания никак не может обеспечивать идентичность его результата. Следовательно, языковая коммуникация между людьми в принципе возможна вовсе не потому, что осознанное одним человеком «передается» другому, а благодаря тому, что акт осознания может быть в определенной степени синхронизированным: в ходе онтогенеза в определенной природной, социальной и языковой среде мозг «форматируется» таким образом, чтобы индивидуальность акта осознания была существенно ограничена.

Механизм синхронизации акта осознания, в принципе, не так уж сложно представить, если учесть, что движущей силой для запуска познавательных процессов у *Homo Sapiens* служит, в первую очередь, стремление к выживанию, диктующее, в свою очередь, стремление к пониманию себе подобных для осуществления кооперативных действий. Биологи, например, уже доказали наличие «зеркальных нейронов» — клеток головного мозга, отвечающих за подражание и понимание намерений и способов мышления другого субъекта⁸. Гораздо более древние когнитивные задатки, чем сама языковая способность, обеспечили возможность представителей *Homo Sapiens* угадывать видение и намерение друг у друга. Язык формировался не в ходе двустороннего взаимодействия между индивидуумом со средой, а в ходе сопереживания определенной группой людей их взаимодействия со средой и между собой. При этом язык аккумулирует не только сам коллективный опыт, но и «привычные способы» постижения сути и взаимосвязи между различными видами коллективного опыта, что, в свою очередь, обеспечивает «ментальную наследственность» в ходе освоения языка следующими поколениями.

В этом смысле отнести интуицию, обеспечивающую осознание содержания языка, к «внелогической деятельности интеллекта», не совсем корректно. Логика такой интуиции обеспечивается именно ее «коллективностью»: при выполнении определенных условий разные люди будут осознавать СХОЖЕЕ. В этих условиях сходные продукты акта осознания для осознающих — это ДАННОЕ, реальное и объективное в том смысле, что иное для них НЕ существует.

Весьма полезным в этой связи, на наш взгляд, окажется введение термина «со-знание». Со-знание охватывает весь продукт акта осознания, возможный в рамках одного естественного языка. Со-знание возникает, меняется и развивается вместе с развитием общества, проецируется в содержание языковых единиц, в знание у определенного коллектива о правилах их комбинации и допустимости/не допустимости этих комбинаций. Со-знание интерсубъективно — это то, что обеспечивает функционирование социума и дает возмож-

⁸ Риццоллатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М. : Языки славянских культур, 2012.

ность индивидуумам существовать в определенном социуме. Со-знание разных коллективов в принципе не может полностью совпадать по причине того, что условия акта осознания не могут быть идентичными.

Как мы уже убедились, методом обратной дедукции мы можем проследживать априорные убеждения, при которых те или иные научные знания становятся «объективными» для разных исследователей. Это означает, что если сместим фокус на интересубъективность со-знания, то выявление условий, при которых разные люди воспринимают «субъективное» содержание по природе своего возникновения за «объективное», будет выполняемой задачей. Определение этих условий вполне может стать существенным шагом вперед в деле познания человеческого интеллекта.

На пути к познанию закономерностей объективизации субъективного

«Все познается в сравнениях». В рамках одного языка, как нам представляется, весьма непросто раскрыть условия формирования интересубъективного со-знания в силу того, что ИНОЕ лежит за пределами данного языка и не осознается его носителями. Вариативность же со-знания дает нам шанс понять, почему «коллективная интуиция» может работать в разных направлениях и приводить к разным результатам. Но прежде всего уточним, что мы можем рассматривать в качестве «ОБЩЕГО НАЧАЛА» для всех представителей человеческого рода, которым порождаются вариативные знания.

Антропологи и генетики считают, что история Homo Sapiens началась с когнитивной революции, сопровождаемой возникновением языковой способности, более того, в истории Homo Sapiens была отмечена только одна когнитивная революция. Это значит, что сам механизм формирования со-знания, должно быть, не претерпел изменений в ходе расселения Homo Sapiens по миру, т. е. данный механизм работает одинаковым образом у всех представителей Homo Sapiens. Соответственно, мы можем считать, что сами принципы работы этого механизма и есть то НАЧАЛО, ОБЩЕЕ для всех. И поскольку мы видим, что этот механизм приводит к возникновению разного со-знания, то логично предположить, что в принципах его работы заложен изначально фактор, который не может не порождать вариативность со-знания.

Ключом к этому фактору может служить теория схемы внимания, выдвинутая уже процитируемым нами М. Грациано. Суть этой теории заключается в том, что сознание на самом деле является внутренней упрощенной моделью, сконструированной мозгом при обработке комплекса сигналов, поступивших в мозг через органы чувств. То, что мы осознаем, кардинально отличается от импульсов, которые способны передать органы чувств в рамках сенсомоторных возможностей, обусловленных физиологическими особенностями тела человека. Способность у нервной сети усиливать некоторые сигналы относительно других появилась уже у древних примитивных животных. «Сигналы соревнуются друг с другом, победители усиливаются за счет проигравших, и победившие сигналы затем влияют на движения животного. Это и есть

моделирующая сущность внимания. Наше, человеческое, внимание — просто усложненная версия, состоящая из подобных компонентов» [16. С. 22].

Язык, нет никаких сомнений, имеет отношение только к победившим сигналам и сконструированным мозгом внутренним моделям. Более того, внутри языкового коллектива именно язык становится мощным инструментом для того, чтобы у воспитанных в его среде индивидуумов регулярно побеждали определенные сигналы и сформировался схожий набор внутренних моделей. Но одновременно, вариативность со-знания у разных языковых коллективов так же неизбежна в силу того, что в принципе могут побеждать не всегда только одни и те же сигналы, иными словами, мозг обладает некой свободой при конструировании схемы внимания.

Таким образом, для изучения закономерностей объективации субъективного (условий интерсубъективности) непосредственным объектом исследования становятся внутренние модели, которые контролируют внутреннее (подсознательное) внимание и порождают знание. Наш подход становится работоспособным, если к этим моделям применим структурный анализ, т.е. возможно познать механизм их функционирования путем выделения составляющих компонентов и описания их взаимоотношений и взаимодействий.

Следует отметить, что в лингвистических традициях прослеживается давнее стремление к определению НЕЧТО, «внутреннего» и «идеального», существующего в сознании (или в психике) человека, оперированием которым и обеспечивается продуцирование и понимание речи. Предложены разные термины для обозначения этого НЕЧТО («внутренняя форма» у В. фон Гумбольдта [47], «образ мира» у А.Н. Леонтьева [48], «когнитивная структура» у А.Е. Кибрика [49], «image schema» у М. Джонсона [50] и т.д.). Не совсем совпадают взгляды у разных ученых на сложное переплетение «познание — сознание — язык», но в целом они сходятся в том, что это «идеальное» формируется человеком в ходе его деятельности (или получения опыта).

Исследование «внутренних моделей», можно сказать, является продолжением этих изысканий, но с уточнением. Внутренние модели не рассматриваются нами в рамках идеи о «ментальной репрезентации»⁹. Для нас эти модели, мир (включая и внешний, и внутренний) и язык не находятся в отношениях «репрезентируемое и репрезентирующее». Наоборот, они неразделимы, они «сращены». Работа моделей, скорее, напоминает формулы в математике: при активизации модели генерируется знание, воспринимаемое разными людьми как естественное, точно так, как при заданных параметрах в математической формуле выводится единственный возможный результат. С активизацией моделей одновременно активизируется язык: как только ситуация «схвачена» моделью или моделями, человек готов ее вербализовать. В свою

⁹Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы «круглого стола» / В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.

очередь, язык тоже способен активизировать внутренние модели, понимание в ходе коммуникации зависит от того, насколько совпадают активизированные модели у говорящего и воспринимающего. Акт осознания начинается со срабатывания модели, что практически мгновенно приводит человека в состояние «понимание», и на этом акт фактически завершен. «Мир (или знание)» и есть результат срабатывания моделей. Мы предполагаем, что физически модели, скорее, работают за счет устойчивых нейронных связей, которые, если не непосредственно обеспечивают функционирование языка, то по крайней мере, соединены с «языковыми» нейронными связями.

Таким образом, весь объем содержания языка есть реализация познавательного потенциала внутренних моделей. Согласно теории схемы внимания, модели, с которыми «сращены» языковые единицы, должны формироваться за счет обработки поступивших сигналов от органов чувств, в ходе которых одни сигналы подавляются, а другие — усиливаются. Исходя из этого, единицы из разных языков, имеющие якобы похожие или одинаковые «прямые» значения и неэквивалентные по «переносным» значениям, становятся именно теми наблюдаемыми материалами, которые позволяют нам проводить структурный анализ по отношению к внутренним моделям.

Кратко отметим общие принципы этого, возможного, структурного анализа функционирования внутренних моделей.

1. Если со-знание охватывает все ситуации, к которым применима определенная языковая единица и весь объем знания, который возникает или активизируется у носителей данного языка в этих ситуациях, то так называемые «прямые» или «переносные» значения языковой единицы следует рассматривать как продукты попытки систематизации со-знания, как толкование (вторичная вербализация) понимания перцептивных и неперцептивных ситуаций, схваченных внутренней моделью, с которой сращена данная единица. Толкование не открывает множество смысловых нюансов, непосредственно обусловленных генерирующей их внутренней моделью. По этим значениям мы можем лишь реконструировать наиболее типичные ситуации применения исследуемой единицы.

2. Значение НЕ переносится, значение появляется НЕ за счет некой мыслительной операции над другим значением. «Переноситься» может только человек. В момент своего формирования внутренняя модель уже «освобождается» от конкретной перцептивной ситуации (или перцептивного опыта) в том смысле, что сигналы от сенсомоторной системы искажены, абстрагированы и трансформированы, тем самым модель сразу приобретает определенный познавательный потенциал. Наиболее отличительная черта человеческого интеллекта как раз заключается в том, что для него не существует принципиальной разницы между физически осязаемым и чисто воображаемым¹⁰.

¹⁰ Эта особенность доказана экспериментально при применении магнитно-резонансной томографии: при физической манипуляции над физическим предметом и воображаемой манипу-

Применение языковой единицы в перцептивно воспринимаемой ситуации и перцептивно не воспринимаемой ситуации не имеет существенной разницы в том смысле, что во всех ситуациях происходит их схватывание одной и той же внутренней моделью.

3. Неэквивалентность единиц из разных языков по семантическому объему говорит о том, что они сращены с разными внутренними моделями. Совпадение «прямых» значений, скорее, является лишь поверхностным. При более тщательном рассмотрении типов перцептивных ситуаций, к которым применимы эти единицы, должно быть выявлено, какие сигналы наиболее значимы (т.е. какие «победили» при конкуренции с другими сигналами) для той или иной единицы. А сравнение неперцептивных ситуаций может уточнить выделенные сигналы и определить, сохраняется ли их взаимодействие при конструировании (схватывании) новой ситуации. Чисто теоретически можно предположить, что существует еще и грация по значимости у победивших сигналов, т. е. одни являются постоянно действующими и всегда активизируются, а другие — факультативными и активизируются не всегда, и в силу такой более тонкой настройки разные внутренние модели могут конструировать схожие ситуации и порождать схожее знание.

4. Формирование и функционирование внутренней модели предполагает постоянное «нахождение» человека внутри нее. Это дает нам основания предположить, что на процесс «конкуренции» между сигналами может оказать существенное влияние то, как человек позиционирует себя при взаимодействии со средой. По крайней мере, можно различить три когнитивных типа: человек-наблюдающий, человек-действующий и человек-испытывающий. Следовательно, следует обратить внимание на то, что на первый взгляд один и тот же побежденный сигнал может обладать познавательным потенциалом, отличающимся для человека-наблюдающего, человека-действующего и человека-испытывающего. Кроме того, внутри модели могут наличествовать разные позиции, т. е. допускается вариация позиции, «занимаемой» человеком в момент «схватывания» ситуации. Изменение такой позиции внутри модели может значительно повлиять на осознаваемое¹¹.

ляцией над изображением предмета в мозгу испытуемых активизируются одни и те же области (*Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель: CORPUS, 2011).

¹¹ У нас есть некоторые результаты по исследованию функционирования внутренних моделей на основе сравнения показателей направления в русском и китайском языках. Было доказано, что модель работает в эго-вовлеченном режиме: роль, которую может выполнять человек в ходе его взаимодействия со средой, напрямую влияет и на формирование модели, и на сам акт осознания. Так же показано, что параметры, обуславливающие различие при конструировании перцептивных ситуаций, также обуславливают и различие при конструировании неперцептивных ситуаций. А продукты акта осознания могут сильно отличаться в рамках реализации одной и той же модели в результате смены позиции, занимаемой человеком внутри модели и с которой осуществляется определение взаимоотношения между остальными компонентами модели [52–54].

Заключение

Рассматривая содержание языка (сознания или языкового сознания) как продукт акта осознания, мы сфокусировались на проблеме интерсубъективности знания и пришли к выводу, что познать механизм генерации знания путем определения условий интерсубъективности является выполняемой задачей. Этот механизм в принципе не может обеспечивать идентичность результата акта осознания, но древние когнитивные задатки еще до появления языка могли внутри группы тесно взаимодействующих людей синхронизировать модели, сформированные мозгом в результате конкуренции между сигналами, поступающими от сенсомоторных систем тела. Эффект синхронизации многократно усилился после появления языка: единицы естественного языка сращены с внутренними моделями, «ментальная наследственность» между поколениями, таким образом, обеспечивается освоением языка. Синхронизация моделей обеспечивает схожесть продуктов акта осознания, следовательно, определив внутренние модели как объект исследования и применив к ним структурный анализ, мы сможем немного заглянуть в подсознательный процесс, переводя «интуитивное» в дискурсивное.

Мы также убеждены, что механизм генерации содержания языка не отличается от механизма формирования научного знания. Рассмотренные в рамках этой статьи структурализм, репрезентационализм, анти-репрезентационализм, по сути, тоже являются моделями, которые обладают разными познавательными потенциалами и позволяют исследователям прийти к определенным результатам. Конечно, не смотря на важную роль индивидуальной интуиции в науке, ученые всегда стремятся к соблюдению дискурсивной логики суждения. Однако, если смотреть в корень, то и языковая интуиция, и дискурсивная логика функционируют за счет того, что схожие мыслительные операции могут повторяться у разных людей, и результаты этих операций тем самым приобретают для них «объективность». Работоспособность моделей (в виде научных гипотез) в науке проверяется их объяснительной силой при появлении новых данных, а «работоспособность» языковых моделей — самой жизнедеятельностью их создателей.

Исследование закономерностей формирования интерсубъективности, на наш взгляд, имеет особо важное значение для современного мира. Сама постановка вопроса позволяет нам с новой позиции оценивать вариативность языка и культуры у разных народов, а также различия в их социальном строе и историческом пути развития. Вероятно, что вся наблюдаемая вариативность в определенной степени предопределена вариативностью наиболее значимых внутренних моделей. Это означает, что любое навязывание идей, рожденных в одной языковой и культурной среде, представителям другого языка и культуры, обречено на неудачу или приведет к конфликту, если стоящая за ней модель чужда для другого языка и культуры. Это также означает, что для реально эффективного взаимодействия необходимо справиться со сложной

когнитивной задачей: осознать происхождение собственной intersubjectivity и понять основы чужой intersubjectivity. И как мы полагаем, лингвистика сможет внести свой вклад в решение этой задачи.

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 6–11. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11> EDN: YSHMJJ
2. *Василевич А.П., Зимняя И.А., Леонтьев А.А.* Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Просвещение, 1993. EDN: YOTNOU
3. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М. : Academia, 2005. EDN: QRMSYH
4. *Pinker S.* The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. London : Penguin books, 2007.
5. *Бабина Л.В., Безукладова И.Ю., Беляевская Е.Г. и др.* Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. EDN: YGTCSF
6. *Демьянков В.З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналитических обзоров. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1992. С. 39–77. EDN: SMSNYT
7. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. EDN: OXLIYG
8. *Беляевская Е.Г.* Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 13(752). С. 9–17. EDN: DVTBKG
9. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. EDN: RFKRHN
10. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга : Институт языкознания РАН, 2011. EDN: QWTFN
11. *Зализняк А.А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51. EDN: PYYZOH
12. *Zalizniak A.A.* The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. № 4. P. 770–787. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787> EDN: YQDOXR
13. *Ervas F.* (Becoming) Experts in Meaning Ambiguities // Humana. Mente Journal of Philosophical Studies. 2015. Vol. 28. P. 225–243.
14. *Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. М. : Мысль, 1965. EDN: VQMKVJ
15. *Фейнберг Е.Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино : Век 2, 2004.
16. *Грациано М.* Наука сознания. Современная теория субъективного опыта. М. : Альпина нон-фикшн, 2021.
17. *Марков Б.В.* Антропологический поворот в философии XX в. // Очерки социальной антропологии. СПб. : Петрополис, 1995. С. 18–29.
18. *Ростова Н.Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93–98. <https://doi.org/10.17223/15617793/456/10> EDN: MXLLIH
19. *Смирнов С.А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск : Офсет-ТМ, 2016. EDN: XGPQNV
20. *Тахтamyшев В.Г.* Антропологический поворот в отечественной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 2(123). С. 46–51. <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2022-123-2-46-51> EDN: XBZTVW

21. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век : Концепции и проблемы : Философия науки и историография. СПб. : Мирь, 2011.
22. Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. трудов. М. : ИНИОН РАН, 2008. С. 64–81. EDN: MWMQDJ
23. Живов В., Тим-Берлейк А. Расставаясь со структурализмом (Тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 3–14. EDN: PYINGN
24. Алпатов В.М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
25. Кравченко А.В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1(6). С. 354–370. EDN: WELTIZ
26. Звегинцев В.А. Семасиология. М. : Изд-во Московского ун-та, 1957.
27. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М. : Наука, 1977.
28. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. М. : Восточная литература, 1995.
29. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford : Oxford University Press, 1989.
30. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Nouns and categorization: Proceedings of a Symposium on categorisation and noun classification. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. P. 13–51. <https://doi.org/10.1075/tsl.7.04lak>
31. Янзина Э.В., Корнеев О.В. К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии // Индоевропейское языкознание и классическая философия. 2015. № 19. С. 1034–1050. EDN: UDNXCX
32. Пикок А. Эволюция — тайный друг веры / Пер. с англ. М. : ББИ, 2013. (Серия «Наука и богословие»).
33. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М. : Наука, 1988.
34. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. EDN: WYZKZX
35. Кошелев А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15–40. EDN: ITVXMV
36. Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? Science. New Series. 2002. Vol. 298. No. 5598. P. 1569–1579. EDN: EJGRNX
37. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : КДУ, 2011. EDN: QVXNUB
38. Шимко Е.А. Этнолингвистическая обусловленность языковой картины мира // Язык и культура. 2013. № 4. С. 185–190. EDN: REFGQV
39. Хазимуллина Е.Е. Общая лингвистическая теория мотивации: к постановке проблем // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2(43). С. 144–154. EDN: TPPEND
40. McDowell J. Mind and World. Cambridge : Harvard University Press, 1994.
41. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104. EDN: REIGYZ
42. Иванов Д.В. Энактивизм и проблема сознания // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 88–104. EDN: WMTQGB
43. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. М. : РИПОЛ классик, 2020.
44. Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 4–12. EDN: LAUKNZ

45. Дружинин А.С., Фомина Т.А., Поляков О.Г. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериментальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // Язык и культура. 2020. № 50. С. 23–40. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/3> EDN: KIZKXC
46. Дружинин А.С. Язык и реальность: до или после, вместе или вместо? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 67–93. <https://doi.org/10.17223/19986645/69/4> EDN: FYIEKT
47. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2001.
48. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. М. : Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001.
49. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. №4. С. 51—77. EDN: ITVXNP
50. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
51. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4(13). С. 8–16. EDN: PIQYOT
52. Цзинь Т. Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277–292. <https://doi.org/10.17223/18137083/73/19> EDN: GWTDAB.
53. Цзинь Т. Семантика как продукт оперирования ментальными моделями (на примере показателей направления вовне в русском и китайском языках) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3(53). С. 107–127. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127> EDN: JBGAAI
54. Цзинь Т. Неэквивалентность полисемантов и механизм формирования со-знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 15–36. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-15-36> EDN: GUWKQK

References

1. Maslova, V.A. (2018). Modern Linguistics — The Science of Man, His Consciousness, Language and Culture. *Humanitarian Vector*, 1, 6–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11> EDN: YSHMJJ
2. Vasilevich, A.P., Zimnyaya, I.A., & Leont'ev, A.A. (1993). *Language and Consciousness: Paradoxical Rationality*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.) EDN: YOTNOU
3. Ryabtseva, N.K. (2005). *Language and Natural Intelligence*. Moscow: Academia. (In Russ.). EDN: QRMSYH
4. Pinker, S. (2007). *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. London: Penguin books.
5. Babina, L.V., Bezukladova, I.Yu., Belyaevskaya, E.G., Besedina, N.A., Berzina, G.P., ... & Sharandin, A.L. (2017). *Interpretation of the World in Language: Collective Monograph*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin publ. (In Russ.). EDN: YGTCSP
6. Demyankov, V.Z. (1992). Cognitivism, Cognition, Language and Linguistic Theory. In: *Language and Structures of Knowledge Representation: Collection of Scientific and Analytical Reviews* (pp. 39–77). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION). (In Russ.). EDN: SMSNYT
7. Boldyrev, N.N. (2019). *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.). EDN: OXLIYG
8. Belyaevskaya, E.G. (2016). Interpretation of the World and Knowledge of the World in the Language and its Main Types of Culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(752), 9–17. (In Russ.). EDN: DVTBKG

9. Kubryakova, E.S. (2012). *In Search of the Essence of Language: Cognitive Research*. Moscow: Znak. (In Russ.). EDN: RFKRHN
10. Ufimtseva, N.V. (2011). *Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability*. Moscow–Kaluga: The Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). (In Russ.). EDN: QWTTFN
11. Zaliznyak, A.A. (2013). Semantic Transition as an Object of Typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 32–51. (In Russ.). EDN: PYYZOH
12. Zalizniak, A.A. (2018). The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*, 22(4), 770–787. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787> EDN: YQDOXR
13. Ervas, F. (2015). (Becoming) Experts in Meaning Ambiguities. *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*, 28, 225–243.
14. Asmus, V.F. (1965). *Intuition in Philosophy and Mathematics*. Moscow: Mysl' (In Russ.). EDN: VQMKVJ
15. Feinberg, E.L. (2004). *Two Cultures: Intuition and Logic in Art and Science*. Fryazino: Vek 2. (In Russ.).
16. Graziano, M.S.A. (2021). *Rethinking Consciousness. A Scientific Theory of Subjective experience*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
17. Markov, B.V. (1995). Anthropological Turn in the Philosophy of the Twentieth Century. In: *Essays on Social Anthropology* (pp. 18–29). Saint Petersburg: Petropolis Ltd. (In Russ.).
18. Rostova, N.N. (2020). An Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs Ontology. *Tomsk State University Journal*, 456, 93–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/456/10> EDN: MXLLIH
19. Smirnov, S.A. (2016). *Anthropological Navigator: Toward the Event Ontology of Human Being*. Novosibirsk: Ofset-TM. (In Russ.). EDN: XGPQNV
20. Takhtamyshev, V.G. (2022). Anthropological Turn in Russian Philosophy. *Humane, Social and Economic Sciences*, 2(123), 46–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2022-123-2-46-51> EDN: XBZTVW
21. Ogurtsov, A.P. (2011). *Philosophy of Science: Twentieth Century. Concepts and Problems. Philosophy of Science and Historiography*. Saint Petersburg: Mir. (In Russ.).
22. Belyaevskaya, E.G. (2008). Semantics in three Paradigms of Linguistic Knowledge (Criteria for Choosing a Method). In: *Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics. Series "Theory and History of Linguistics"* (pp. 64–81). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION). (In Russ.). EDN: MWMQDJ
23. Zhivov, V., & Tim-Berleik, A. (1997). Parting with Structuralism (Talks for Discussion). *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 3–14. (In Russ.). EDN: PYINGN
24. Alpatov, V.M. (2018). *Linguistics: from Aristotle to Computational Linguistics*. Moscow: Al'pina non-fikshn. (In Russ.)
25. Kravchenko, A.V. (2016). On how Structuralism Harms the well-being of Society: Language as the Ecological Niche of Humans. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 1(6), 354–370. (In Russ.). EDN: WELTIZ
26. Zvegintsev, V.A. (1957). *Semasiology*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.).
27. Vinogradov, V.V. (1977). *Lexicology and Lexicography. Selected Works*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
28. Apresyan, Yu.D. (1995). Lexical Semantics. In: *Selected Works* (Vol. I.). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
29. Taylor, J.R. (1989). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Oxford University Press.
30. Lakoff, G. (1986). Classifiers as a Reflection of Mind. *Nouns and Categorisation: Proceedings of a Symposium on Categorisation and Noun Classification* (pp. 13–51). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. <https://doi.org/10.1075/tsl.7.04lak>

31. Yanzina, E.V., & Korneev, O.V. (2015). Some Comments on the Role of Grammar in Creation of the Language of Ancient Greek Philosophy. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 19, 1034–1050. (In Russ.). EDN: UDNXCX
32. Peacocke, A. (2004). *Evolution: the Disguised Friend of Faith? Selected Essays*. Templeton Foundation Press. (Russ. ed.: Pikok, A. (2013). *E`volyuciya — tajny`j drug very`* Moscow: Izdatel'stvo BBI).
33. Serebrennikov, B.A., Kubryakova, E.S., Postovalova, V.I., Teliya, V.N., & Ufimtseva, A.A. (1988). *The Human Factor in Language: Language and the Picture of the World*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
34. Kubryakova, E.S., Shakhnarovich, A.M., & Sakharnyi, L.V. (1991). *The Human Factor in Language: Language and the Speech Production*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: WYZKZX
35. Koshelev, A.D. (2008). On the Principal Paradigms of Studying Natural Languages in The Light of Cognitive Linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 15–40. (In Russ.). EDN: ITVXMV
36. Hauser, M.D., Chomsky, N., & Fitch, W.T. (2002). The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science. New Series*, 298, 5598, 1569–1579. EDN: EJGRNX
37. Kornilov, O.A. (2011). *Language Pictures of the World as Derivatives of National Mentalities*. Moscow: KDU. (In Russ.). EDN: QVXNUB
38. Shimko, E.A. (2013). Ethnolinguistic Conditionality of the Linguistic Picture of the World. *Language and Culture*, 4, 185–190. (In Russ.). EDN: REFGQV
39. Khazimullina, E.E. (2015). General Linguistic Theory of Motivation: to the Statement of the Problem. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(43), 144–154. (In Russ.). EDN: TPPEND
40. McDowell, J. (1994). *Mind and World*. Cambridge: Harvard University Press.
41. Knyazeva, E.N. (2013). Enactivism as a Conceptual Turn Epistemology. *Voprosy Filosofii*, 10, 91–104. (In Russ.). EDN: REIGYZ
42. Ivanov, D.V. (2016). Enactivism and the Problem of Consciousness. *Epistemology & Philosophy of Science*, 49(3), 88–104. (In Russ.). EDN: WMT0GB
43. Harman, G. (2018). *Speculative Realism: an Introduction*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. (Russ. ed.: Kharman, G. (2020). *Spekulyativnyi realizm: vvedenie*. Moscow).
44. Zalevskaya, A.A. (2007). Dynamics of Approaches to Knowledge Problems and Targets for Psycholinguistic Research. *Journal of Psycholinguistics*, 5, 4–12. (In Russ.). EDN: LAUKNZ
45. Druzhinin, A.S., Fomina, T.A., & Polyakov, O.G. (2020). Euphemisms, Dysphemisms, Orthophemisms and Experiential Context: a Holistic View on the Linguistic Problem. *Language and Culture*, 50, 23–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/50/3> EDN: KIZKXC
46. Druzhinin, A.S. (2021). Language and Reality: Before or After, In or Instead? *Tomsk State University Journal of Philology*, 69, 67–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/69/4> EDN: FYIEKT
47. Gumbol'dt, V. fon. (2001). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
48. Leont'ev, A.A. (2001). *Language and Speech Activity in General and Pedagogical Psychology: Selected Psychological Works*. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences; Voronezh: MODEK. (In Russ.).
49. Kibrik, A.E. (2008) Linguistic Reconstruction of the Cognitive Structure. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 51–77. (In Russ.). EDN: ITVXNP
50. Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press.
51. Kubryakova, E.S., & Demyankov, V.Z. (2007). On Mental Representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4(13), 8–16. (In Russ.). EDN: IIQYOT
52. Tszin, T. (2020). Models of DOWNWARD motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese). *Siberian Journal of Philology*, 4, 277–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/73/19> EDN: GWTBAB

53. Tszin, T. (2022). Semantics as a Product of Mental Model Operation (on the Example of Movement Direction outward in the Russian and Chinese Languages). *Journal of Psycholinguistics*, 3(53), 107–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127> EDN: JBGAAI
54. Tszin, T. (2022). Nonequivalence of Polysemants and the Mechanism of Forming Co-knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 15–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-15-36> EDN: GUWKQK

Сведения об авторе:

Цзинь Тео, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: социолингвистика, когнитивная лингвистика, ментальные модели, полисеманты; *e-mail*: tszin-t@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1949-8817, SPIN-код: 9313-6756, AuthorID: 719998.

Information about the authors:

Tao Tszin, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: sociolinguistics, cognitive linguistics, mental representations, polysemants; *e-mail*: tszin-t@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1949-8817, SPIN-код: 9313-6756, AuthorID: 719998.